

12+

САЛАХ АД-ДИН

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

ИСМАИЛ ДЕНИЛЬХАНОВ

Исмаил Денильханов

**Салах ад-Дин.
Освобождение Иерусалима**

«Издательские решения»

Денильханов И.

Салах ад-Дин. Освобождение Иерусалима / И. Денильханов —
«Издательские решения»,

Эта книга — не просто биография Салах ад-Дина и не только история Крестовых походов. Это путешествие по следам человека, который сумел объединить мусульманский Восток, разгромить крестоносцев и вернуть Иерусалим. Автор посетил Дамаск, Босру, Баальбек, Бейрут, крепость Сахюн, Хаттин, Иерусалим и другие места, связанные с жизнью великого султана. Через древние города, крепости, дороги и поля сражений перед читателем постепенно раскрывается история человека ставший известным миру как Салах ад-Дин.

Содержание

Салах ад-Дин	6
Крестовые походы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Салах ад-Дин Освобождение Иерусалима

Исмаил Денильханов

© Исмаил Денильханов, 2026

ISBN 978-5-0070-7833-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Салах ад-Дин

Дамаск встретил меня жарой

Еще не успев спуститься по трапу самолета, я почувствовал горячее дыхание сирийской ночи. Воздух был густым и теплым, словно город не хотел отпускать накопленное за день солнце даже после полуночи. Я остановился на мгновение и глубоко вдохнул.

Это был мой первый вдох на сирийской земле.

В воздухе смешались запахи пыли, нагретого камня, авиационного топлива и чего-то сладкого, неуловимого, напоминавшего восточные сладости. Возможно, этот аромат доносился из аэропортовых кафе, а может быть, мне просто хотелось почувствовать Восток с первых секунд пребывания здесь.

Так или иначе, этот воздух мне понравился.

В нем было что-то особенное.

Что-то такое, что невозможно описать словами, но легко почувствовать.

Пограничный контроль прошел быстро.

Офицер пролистал мой паспорт, поднял взгляд и задал привычный вопрос:

— Цель визита?

За годы путешествий я выучил короткий ответ, одинаково понятный почти в любой стране мира.

— Туризм.

Офицер поставил штамп и вернул документы.

Так началось мое знакомство с Сирией.

Первый сюрприз ожидал меня сразу за стойками паспортного контроля.

Во многих странах обмен валюты становится отдельным приключением, особенно если прилетаешь ночью. Здесь же обменный пункт находился еще до выхода из аэропорта, словно кто-то заранее позаботился о путешественниках, которым предстояло искать дорогу в незнакомом городе.

Как оказалось позже, решение обменять деньги сразу было правильным.

В те годы с обменниками в Дамаске все было не так просто, как хотелось бы иностранцу. Я протянул кассиру двести долларов.

Через несколько секунд передо мной лежала внушительная пачка сирийских лир. Настолько внушительная, что я невольно рассмеялся.

Держа в руках толстую стопку купюр, я на мгновение почувствовал себя каким-нибудь нефтяным шейхом из арабских сказок.

К сожалению, ощущение богатства оказалось значительно сильнее реальной покупательной способности этих денег. Но настроение это не испортило.

Ночной аэропорт жил своей особенной жизнью.

В отличие от дневной суеты здесь все происходило медленнее и спокойнее. В залах ожидания оставались лишь немногочисленные пассажиры последних рейсов. Голоса звучали приглушенно. Шаги эхом отдавались под высоким потолком.

Когда автоматические двери аэропорта раскрылись передо мной, сирийская ночь окончательно приняла меня в свои объятия.

До центра Дамаска было около тридцати километров.

Перед зданием стояли такси, водители которых внимательно наблюдали за прибывающими пассажирами. Однако еще дома, изучая путеводители и форумы путешественников, я прочитал достаточно историй о том, как иностранцы переплачивали за поездки из аэропорта.

Впрочем, ничего удивительного.

Такси остается такси в любой точке мира.

Поэтому мой выбор пал на маршрутный автобус.

Стоимость проезда поразила меня не меньше курса сирийской валюты. За сумму, которая по российским меркам едва дотягивала до стоимости чашки чая, можно было доехать до самого сердца древнего города.

Я занял место у окна.

Спать совершенно не хотелось.

Слишком долго я ждал этого путешествия.

Автобус тронулся.

За стеклом медленно поплыли огни ночной Сирии.

Я смотрел наружу, стараясь не упустить ни одной детали.

С детства мне приходилось читать о Дамаске.

Исторические книги, легенды, путевые заметки, рассказы путешественников — все это постепенно создавало в воображении образ одного из самых знаменитых городов Востока.

Города, который многие считают древнейшим постоянно населенным городом мира.

Города, пережившего империи, завоевателей и династии.

Города, который существовал еще тогда, когда многие современные столицы даже не появились на карте.

Но никакие книги не способны заменить первое впечатление.

Правильно говорят: лучше один раз увидеть, чем тысячу раз прочитать.

Постепенно впереди начали появляться огни Дамаска.

Сначала отдельные.

Потом все больше и больше.

И вскоре над темным силуэтом города возникли они.

Минареты.

Десятки.

Сотни.

Подсвеченные мягким золотистым светом, они поднимались в ночное небо словно каменные маяки.

Из окна автобуса они казались бесконечными.

Одни были тонкими и изящными.

Другие массивными и древними.

Но все они устремлялись вверх, туда, где над городом мерцали редкие звезды.

Не зря Дамаск называют городом тысячи минаретов.

Возможно, это лишь красивая метафора.

Но в ту ночь она казалась мне абсолютной правдой.

За этими огнями скрывался город удивительных историй.

Город, где переплелись предания трех мировых религий.

Город, над которым возвышается гора Касиюн.

Согласно местным преданиям, именно там находится Пещера Крови — место, где Каин убил своего брата Авеля.

Там же показывают Пещеру Сорока, где, по легенде, долгие годы жил пророк Яхья со своей матерью.

В Дамаске история и легенда существуют рядом настолько тесно, что порой невозможно провести между ними границу.

Но для меня этот город имел еще одно значение.

Более личное.

Более важное.

Это был город Салах ад-Дина.

Город человека, имя которого когда-то заставляло трепетать королей и рыцарей.

Человека, которого мусульманский Восток помнит как освободителя Иерусалима.

Человека, о котором я впервые задумался после просмотра фильма «Царство Небесное», а затем годами изучал его жизнь по книгам и хроникам.

Именно здесь завершился его путь.

Именно здесь находилась его могила.

Пока автобус приближался к центру города, я смотрел на огни древнего Дамаска и понимал, что главная цель моего путешествия находится уже совсем рядом.

Через несколько часов я впервые окажусь у гробницы Салах ад-Дина.

Ради этого момента я и прилетел в Сирию.

Утро разбудило меня раньше будильника. Сначала сквозь сон я услышал далекий гул города, похожий на шум моря. Потом отдельные звуки начали складываться в живую картину: скрип открывающихся ставен, голоса торговцев, перекликающихся где-то в лабиринте переулков Старого города, стук тележки по древней мостовой. Из открытого окна в комнату проникал прохладный утренний воздух, наполненный запахом пыли, свежего хлеба и крепкого арабского кофе.

Я поднялся с кровати и подошел к окну.

Передо мной лежал Дамаск.

Город, который уже более тысячи лет оставался одним из важнейших центров исламского мира. Город Омейядов, крестоносцев, султанов и ученых. Город, по улицам которого когда-то ходил Салах ад-Дин.

Эта мысль заставила меня замереть.

Несколько месяцев подготовки, чтение хроник, старинных карт и биографий привели меня сюда — в сердце Сирии. Мое путешествие только начиналось, но уже в это первое утро я чувствовал странное волнение, словно приближался не просто к исторической личности, а к человеку, следы которого еще не исчезли из этого города.

Внизу постепенно просыпалась жизнь. Лавочники поднимали металлические ставни своих магазинов. Кто-то раскладывал фрукты на деревянных прилавках. По узким улицам проходили первые покупатели. Над крышами домов поднималось мягкое золотистое солнце, окрашивая старый известняк в теплые медовые оттенки.

После душа я спустился в небольшое кафе при гостинице.

За столиками сидели несколько постояльцев и местных жителей. На завтрак подали свежие лепешки, оливки, белый сыр, мед и густой йогурт. Из кухни доносился аромат жареного кунжута. Официант поставил передо мной маленькую чашку крепкого кофе, настолько насыщенного, что его запах чувствовался раньше, чем вкус.

Я не спешил.

Через несколько часов мне предстояло впервые увидеть место, ради которого я приехал в Сирию, — могилу Салах ад-Дина.

Когда завтрак закончился, я вышел на улицу и направился к рынку Хамидия.

Старый базар уже ожил. Под высоким металлическим сводом царил полумрак, прорезанный сотнями солнечных лучей. Свет проникал сквозь отверстия в крыше и ложился на каменный пол причудливыми узорами. Торговцы открывали лавки, развешивали ткани, выставляли медные подносы, лампы и украшения. Воздух был наполнен ароматами специй, кожи, благовоний и свежемолотого кофе.

Я медленно шел через этот живой коридор, наблюдая за лицами людей и стараясь представить, каким был Дамаск восемьсот лет назад.

Конечно, тогда не существовало ни металлической крыши рынка, ни многих окружающих построек. Но направление улиц оставалось прежним. Те же стены, тот же камень, тот же путь к главной святыне города.

Именно по этим кварталам когда-то проезжали эмиры, ученые и воины Салах ад-Дина.

Чем ближе я подходил к мечети Омейядов, тем сильнее ощущал внутреннее напряжение. Вскоре рынок закончился, и передо мной открылось просторное пространство внутреннего двора мечети. Я остановился.

Даже фотографии не могли подготовить к этому зрелищу.

Передо мной возвышалась Великая мечеть Омейядов — одна из самых знаменитых мечетей исламского мира. Ее стены и минареты хранили память о тринадцати столетиях истории. Здесь молились халифы, султаны и простые жители Дамаска. Здесь бывал и сам Салах ад-Дин после своих побед и возвращений из походов.

Я медленно пересек двор.

Солнечный свет отражался от древнего мрамора. Голоса людей звучали приглушенно. Несмотря на присутствие посетителей, над этим местом словно царило особое спокойствие.

У северной стены комплекса находилось то, ради чего я пришел.

Могила Салах ад-Дина. Я увидел ее неожиданно простой.

Не огромный мавзолей великого завоевателя. Не грандиозный памятник победителю крестоносцев. Лишь скромная гробница рядом с одной из величайших мечетей исламского мира.

Я остановился в нескольких шагах и долго смотрел молча.

Передо мной покоился человек, который объединил мусульманский Восток, вернул Иерусалим и стал легендой еще при жизни. Человек, имя которого знали от берегов Атлантики до гор Персии.

И все же его последнее пристанище поражало своей простотой.

В этот момент Салах ад-Дин перестал быть для меня историческим персонажем. Он стал реальным человеком.

Именно здесь началось мое путешествие по следам его жизни.

Я не заметил, сколько времени простоял у гробницы.

Возможно, несколько минут. Возможно, гораздо дольше.

Солнечный свет уже поднялся выше и теперь проникал во двор мечети под другим углом. Белый мрамор отражал его мягким сиянием. Время словно замедлилось.

— Вы приехали издалека.

Голос прозвучал рядом неожиданно, но спокойно. Я обернулся.

Возле гробницы стоял пожилой мужчина лет шестидесяти пяти. Высокий, худощавый, с благородным лицом и аккуратно подстриженной седой бородой. На нем был светлый пиджак старого покроя и темный шарф, несмотря на теплое утро. В руках он держал несколько книг и папку с бумагами.

Его глаза сразу привлекали внимание.

Это были глаза человека, привыкшего больше наблюдать, чем говорить.

— Да, — ответил я. — Из Европы. Ответил я уклончиво.

Он кивнул, словно услышал подтверждение того, что уже знал.

— И приехали вы не просто посмотреть Дамаск.

Я улыбнулся.

— Это так заметно?

Старик посмотрел на гробницу.

— Туристы обычно делают фотографию и уходят через несколько минут. Вы стояли здесь так, будто пытаетесь услышать человека, который умер восемьсот лет назад.

Несколько секунд мы оба смотрели на саркофаг Салах ад-Дина.

— Возможно, именно этим я и занимаюсь, — сказал я.

На лице незнакомца появилась легкая улыбка.

— Тогда у нас есть нечто общее.

Он протянул руку.

— Доктор Фарид аль-Хаким.

Мы обменялись рукопожатием.

Позже я узнаю, что он был одним из самых уважаемых исследователей средневековой Сирии. Историком, посвятившим десятилетия изучению эпохи Айюбидов. Человеком, который мог часами рассказывать о Дамаске так, словно сам жил в двенадцатом веке. Но тогда я этого еще не знал.

Передо мной был просто пожилой ученый с добрым взглядом.

— Вы изучаете Салах ад-Дина? — спросил он.

— Уже несколько лет.

— И что привело вас сюда?

Я посмотрел на гробницу.

Ответ был сложнее, чем казалось.

Сначала меня интересовала история войн.

Потом — политика.

Потом эпоха крестовых походов.

Но чем больше я читал о Салах ад-Дине, тем меньше меня интересовали битвы и тем больше — сам человек.

— Наверное, я хочу понять, кем он был на самом деле, — наконец сказал я.

Доктор Фарид тихо рассмеялся.

— Тогда вы приехали за самым трудным ответом.

Мы медленно пошли вдоль стены мечети.

Во дворе становилось все больше людей. Кто-то молился. Кто-то беседовал.

— Знаете, что удивляет меня больше всего? — сказал историк. — Каждый создал собственного Салах ад-Дина.

— Что вы имеете в виду?

— Европейцы видят в нем благородного противника Ричарда Львиное Сердце. Арабы — освободителя Иерусалима. Курды — великого сына своего народа. Верующие мусульмане — защитника ислама. Политики — символ единства.

Он остановился и провел рукой по старому камню стены.

— Но настоящий человек всегда сложнее легенды.

Я слушал молча.

— Салах ад-Дин не родился героем, — продолжал он. — Молодым человеком он вовсе не мечтал стать султаном. Его современники описывают его скорее как тихого, даже застенчивого человека. Он любил книги больше, чем оружие. Любил беседы с учеными больше, чем придворные церемонии.

Историк посмотрел на меня.

— Вы знаете, чего он боялся больше всего?

Я покачал головой.

— Собственной славы.

Я удивленно поднял брови.

Доктор Фарид улыбнулся.

— Для современного человека это звучит странно. Но многие хронисты пишут именно об этом. Чем выше он поднимался, тем сильнее опасался, что гордыня погубит его душу.

Мы снова посмотрели в сторону гробницы.

— Поэтому его могила такая скромная?

— Именно поэтому.

Старик кивнул.

— Когда он умер здесь, в Дамаске, в 1193 году, после себя он не оставил ни дворцов, ни сокровищ. Его казна оказалась почти пустой. Большая часть богатств была роздана бедным, солдатам и религиозным учреждениям.

Я вновь посмотрел на простой саркофаг.

Только теперь он казался еще более выразительным.

Великий султан, имя которого пережило века, лежал в могиле, пораженной не роскошью, а ее отсутствием.

Словно даже после смерти хотел сказать нечто важное потомкам.

Мы вышли в центр двора. Солнце уже полностью залило мрамор золотым светом.

Доктор Фарид остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Вы собираетесь путешествовать по следам Салах ад-Дина?

— Да.

— Крепость Дамаска?

— Конечно.

— Босра?

— Да.

— Алеппо, Хама, Каир, Иерусалим?

— Все, что связано с его жизнью.

Историк некоторое время молчал.

Потом улыбнулся так, словно принял какое-то решение.

— Тогда вам понадобится хороший проводник.

— Вы знаете такого человека?

Он тихо рассмеялся.

— Возможно.

Именно тогда я еще не понимал, что случайная встреча у могилы Салах ад-Дина изменит все мое путешествие. Следующие недели доктор Фарид станет не только проводником по Сирии, но и человеком, который научит меня видеть историю не в датах и сражениях, а в судьбах людей.

А пока мы просто стояли посреди древнего двора мечети Омейядов, и над нами в ясном дамасском небе кружили голуби точно так же, как кружили они здесь восемь веков назад, когда город прощался со своим величайшим султаном.

Некоторое время мы молча стояли возле могилы.

Поток посетителей постепенно увеличивался. Люди подходили, останавливались на несколько секунд, читали надписи и уходили дальше. Для большинства это была лишь одна из достопримечательностей Дамаска.

Для меня — причина путешествия.

Я посмотрел на доктора Фариду.

— Скажите, это правда?

Он вопросительно поднял брови.

— Какая именно история?

— О генерале Гуро.

На лице историка появилось выражение человека, который слышал этот вопрос уже сотни раз.

— Ах, эта история...

Он посмотрел на саркофаг Салах ад-Дина и некоторое время молчал.

— Вы имеете в виду легенду о том, что после взятия Дамаска французами генерал пришел сюда, к могиле, ударил ее ногой и сказал: «Салах ад-Дин, мы вернулись»?

— Да.

Доктор Фарид медленно кивнул.

— В Сирии почти каждый знает эту историю.

Он говорил негромко, словно не хотел тревожить покой этого места.

— Старики рассказывали ее своим детям. Учителя рассказывали ее ученикам. Ее можно услышать в кафе, на рынках, в университетах. Для многих сирийцев она давно стала частью коллективной памяти.

— Значит, это было на самом деле?

Историк слегка улыбнулся.

— Мой ответ будет таким: никто не может доказать это абсолютно точно.

Он сделал паузу.

— Но я убежден, что Гуро действительно посетил эту гробницу. И я убежден, что он хотел продемонстрировать символическую победу Франции над памятью Салах ад-Дина.

Мы снова посмотрели на саркофаг.

Солнечный луч скользнул по резному дереву и исчез.

— Нужно понимать атмосферу того времени, — продолжил доктор Фарид. — Для европейских колониальных держав начало XX века было не просто политикой. Многие мыслили категориями истории длиной в столетия. Крестовые походы все еще жили в воображении людей. Не как реальность, а как символ.

Он провел рукой по бороде.

— Для французского генерала Салах ад-Дин был не только султаном двенадцатого века. Он был воплощением мусульманского Востока, который когда-то остановил крестоносцев.

— Поэтому слова о возвращении?

— Именно.

Историк посмотрел на меня внимательно.

— Но знаете, что интересно?

— Что?

— Если эта история действительно произошла, она привела к результату, противоположному тому, которого хотел добиться Гуро.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Прошло почти сто лет. Французский мандат закончился. Французские солдаты давно ушли. Генерал стал сноской в учебниках.

Он кивнул в сторону гробницы.

— А Салах ад-Дин все еще здесь.

Во дворе мечети на мгновение стало особенно тихо.

Слова историка прозвучали неожиданно сильно.

— Люди продолжают приезжать к его могиле со всего мира, — продолжал он. — Пишут книги. Снимают фильмы. Спорят о его наследии. Изучают его жизнь. Даже вы проделали тысячи километров ради человека, умершего восемь веков назад.

Я невольно улыбнулся.

— Получается, он все-таки победил?

Доктор Фарид рассмеялся.

— История — не турнир и не битва.

Потом его взгляд снова остановился на гробнице.

— Но память иногда оказывается долговечнее империй.

Мы оба замолчали.

Я смотрел на простой саркофаг человека, который пережил своих врагов, своих союзников, свое государство и даже эпоху, в которой жил.

И вдруг понял, что именно поэтому имя Салах ад-Дина продолжает волновать людей спустя восемьсот лет.

Не из-за побед.

Не из-за захваченных городов.

Не из-за завоеванных земель.

А потому, что некоторые люди становятся больше своего времени.

И тогда история превращается в легенду.

Доктор Фарид некоторое время молчал, словно обдумывая что-то.

Затем посмотрел на меня с любопытством.

— Простите мой вопрос, — сказал он. — Но откуда вы родом?

— Из Чечни.

Он слегка кивнул.

— Из Чечни...

В его голосе прозвучало уважение человека, хорошо знавшего историю Кавказа.

— И что привело вас в Дамаск? Только научный интерес?

Я улыбнулся.

Если бы все было так просто.

Я посмотрел на гробницу Салах ад-Дина.

Сколько раз за последние годы я задавал себе этот вопрос? И каждый раз ответ оказывался длиннее предыдущего.

— Нет, — сказал я. — Все началось гораздо сложнее.

Историк внимательно слушал.

— Когда-то я посмотрел фильм «Царство Небесное».

При этих словах на лице доктора Фариды появилась едва заметная улыбка.

— Понимаю.

— Тогда я еще мало знал о крестовых походах. Для меня это был просто исторический фильм. Но среди всех персонажей именно Салах ад-Дин произвел самое сильное впечатление.

Я вновь посмотрел на саркофаг.

— Помню финальную сцену после взятия Иерусалима. Помню его спокойствие, достоинство, отсутствие ненависти к побежденным. После фильма мне захотелось узнать, кем был этот человек на самом деле.

Доктор Фарид медленно кивнул.

— Хорошее начало для историка.

— Возможно. Сначала я прочитал одну книгу. Потом другую. Затем хроники. Биографии. Исследования. Чем больше я узнавал о нем, тем интереснее становилась реальная история, которая оказалась намного глубже кинематографической.

Во дворе мечети раздалось хлопанье крыльев. Над нами пролетела стая голубей.

— И однажды я понял, что недостаточно читать о Салах ад-Дине, сидя дома.

— Вы захотели увидеть места его жизни своими глазами.

— Именно.

— Захотел пройти дорогами, которыми ходил он. Увидеть города, которые он защищал. Крепости, которые строил. Медресе, которые основывал. И прежде всего — оказаться здесь.

Несколько секунд мы оба смотрели на гробницу.

— У его могилы.

Доктор Фарид долго молчал.

Потом неожиданно спросил:

— И что вы почувствовали, когда впервые увидели ее?

Вопрос застал меня врасплох.

Я задумался.

Сложно было выразить словами то чувство, которое возникло несколько минут назад.

— Честно?

— Конечно.

— Разочарование.

Историк удивленно посмотрел на меня.

— Разочарование?

— Лишь на мгновение.

Я улыбнулся.

— После всех книг и легенд я ожидал увидеть что-то грандиозное. Огромный мавзолей.

Памятник человеку, изменившему историю Ближнего Востока.

Доктор Фарид понимающе кивнул.

— А увидели скромную гробницу.

— Да.

— И что было потом?

Я снова посмотрел на саркофаг.

— Потом я понял, что именно эта простота и производит самое сильное впечатление.

На лице историка появилась улыбка.

— Теперь вы начинаете понимать Салах ад-Дина.

Он медленно подошел ближе к гробнице.

— Знаете, многие приезжают сюда в поисках легенды. Но Салах ад-Дин был не легендой.

Он был человеком. Уставшим человеком, который провел жизнь в походах, осадах и переговорах.

Фарид остановился возле саркофага.

— И, возможно, именно поэтому его последнее пристанище выглядит так скромно. Оно напоминает нам не о могуществе султана, а о бренности любого могущества.

Солнечный свет падал на древние камни мечети.

Я слушал его и думал о том, как странно устроена человеческая память.

Фильм, который я посмотрел много лет назад за тысячи километров отсюда, привел меня в самое сердце старого Дамаска. От экрана кинотеатра — к реальной могиле человека, ставшего легендой еще при жизни.

И сейчас, стоя рядом с сирийским историком возле могилы Салах ад-Дина, я чувствовал, что мое путешествие только начинается.

Впереди были города, крепости, пустыни и дороги.

Но первый шаг был сделан именно здесь.

Доктор Фарид некоторое время молчал после нашего разговора о Салах ад-Дине, словно мысленно сопоставляя услышанное с какими-то собственными выводами. Его взгляд скользнул по двору мечети, где с каждой минутой становилось все больше людей. Туристы входили через древние ворота, паломники неспешно пересекали мраморный двор, а голуби по-прежнему кружили над минаретами, описывая широкие круги в прозрачном утреннем небе Дамаска.

Наконец он посмотрел на часы и слегка нахмурился.

— Кажется, они скоро подойдут.

— Кто? — спросил я.

— Мои студенты.

Он произнес это так буднично, словно речь шла о соседях, заглянувших на чашку чая.

— Я читаю здесь лекции для иностранных групп. Обычно это студенты университетов, историки, археологи или просто люди, серьезно интересующиеся историей крестовых походов. Сегодня должна прийти группа из нескольких европейских стран. Мы начинаем здесь, у могилы Салах ад-Дина, а затем осматриваем мечеть Омейядов и старый город.

Он улыбнулся.

— Не самый плохой способ провести утро в Дамаске.

Я невольно рассмеялся.

После нескольких часов в Сирии судьба уже подарила мне знакомство с человеком, который, казалось, знал о Салах ад-Дине больше, чем многие университетские профессора.

Доктор Фарид заметил мою улыбку.

— Если у вас нет других планов на ближайшие несколько часов, можете присоединиться к нам.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Вы серьезно?

— Разумеется.

Он слегка развел руками.

— Вы проделали путь из Чечни ради того, чтобы пройти по следам Салах ад-Дина. Насколько я понимаю, вы не относитесь к людям, которые приезжают сюда только для того, чтобы сделать несколько фотографий и купить сувениры на рынке Хамидия.

— Это точно.

— Тогда вам будет интересно.

Он говорил спокойно и уверенно, без малейшего намека на формальное приглашение. Скорее так, будто предлагал присоединиться к старым друзьям в прогулке по городу.

Я задумался лишь на секунду.

Еще утром у меня был собственный план на день. Я собирался самостоятельно исследовать Старый Дамаск, неторопливо бродить по его улицам, заглядывать в мечети, медресе и старинные караван-сарай. Но сейчас этот план внезапно показался менее привлекательным, чем возможность провести несколько часов рядом с человеком, который буквально жил историей этого города.

Кроме того, путешествия часто ценны именно такими случайностями.

Можно месяцами готовить маршрут, изучать карты и составлять расписание, а самые важные события все равно происходят неожиданно, совершенно не так, как было задумано заранее.

Именно такие встречи потом вспоминаются спустя годы.

— Я с удовольствием присоединюсь, — ответил я.

Лицо историка просветлело.

— Отлично.

Он посмотрел в сторону главного входа во двор мечети.

— Тогда вы познакомитесь с Дамаском правильно.

— А что значит правильно?

Доктор Фарид усмехнулся.

— Через истории.

Мы медленно пошли вдоль колоннады, откуда открывался вид на весь внутренний двор. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и мрамор под ногами начал постепенно нагреваться. В воздухе стоял легкий запах старого камня, смешанный с ароматом кофе, который доносился откуда-то из прилегающих кварталов.

— Знаете, в чем главная ошибка большинства путешественников? — неожиданно спросил он.

— В чем?

— Они смотрят на здания.

Я удивленно поднял брови.

— Разве это плохо?

— Нет. Но здания — это всего лишь оболочка.

Он указал рукой на огромный двор мечети Омейядов.

— Люди фотографируют стены, купола, минареты. Они запоминают размеры сооружений, даты строительства, имена архитекторов. Но очень редко пытаются понять людей, которые жили здесь столетия назад.

Его голос стал чуть тише.

— А ведь история создается не камнями.

История создается людьми.

Мы остановились возле одной из древних колонн.

— Посмотрите вокруг, — сказал он. — Большинство посетителей видят в Салах ад-Дине великого полководца. Некоторые видят религиозного героя. Другие — национальный символ. Но мало кто задает себе вопрос, каким человеком он был в обычной жизни. О чем думал, когда оставался один. Чего боялся. Что чувствовал, возвращаясь после бесконечных войн.

Я невольно посмотрел на его гробницу.

— Именно такие вопросы меня и привели сюда.

Доктор Фарид кивнул с заметным удовлетворением.

— Тогда вам действительно стоит послушать сегодняшнюю лекцию.

Он вновь посмотрел в сторону входа.

В этот момент на площади перед мечетью появилась группа молодых людей с рюкзаками и блокнотами в руках. Некоторые оживленно разговаривали между собой, другие осматривались по сторонам, впервые оказавшись в одном из самых древних городов мира.

Историк улыбнулся.

— А вот и они.

Группа постепенно приближалась к нам через залитый солнцем двор.

Я смотрел на этих студентов и неожиданно поймал себя на мысли, что всего час назад был здесь совершенно один, растерянный после первого знакомства с Дамаском, а теперь уже стоял рядом с сирийским ученым, готовясь слушать лекцию о человеке, ради которого преодолел тысячи километров.

Иногда путешествие начинается не тогда, когда самолет касается земли.

Иногда оно начинается в тот момент, когда судьба сводит тебя с нужным человеком.

Когда все студенты собрались вокруг него полукругом, доктор Фарид несколько секунд молчал, словно давая людям возможность почувствовать место, в котором они находятся.

За его спиной возвышались стены мечети Омейядов.

В нескольких десятках шагов находилась могила Салах ад-Дина.

Солнце уже поднялось над древним Дамаском и заливало мраморный двор мягким золотистым светом.

Фарид не открыл блокнот и не достал никаких записей.

Было видно, что этот рассказ он повторял сотни раз и знал его наизусть.

Он медленно обвел взглядом студентов.

— Большинство людей совершают одну и ту же ошибку, когда начинают изучать Салах ад-Дина, — произнес он. — Они начинают с самого Салах ад-Дина.

Историк сделал паузу.

— Но понять Салах ад-Дина невозможно, если сначала не понять мир, в котором он жил. Он указал рукой куда-то на запад.

— Поэтому наш рассказ начинается не в Дамаске. Не в Каире. И даже не в Иерусалиме. Его палец словно указывал за Средиземное море.

— Наш рассказ начинается в Европе.

Студенты притихли.

— Двадцать седьмого ноября тысяча девяносто пятого года Папа Римский Урбан Второй выступил на церковном соборе в городе Клермон во Франции. Его речь изменила историю не только Европы, но и всего Ближнего Востока на многие поколения вперед.

Фарид говорил спокойно, но в его голосе чувствовалась энергия человека, который не просто пересказывает события, а переживает их заново.

— Урбан Второй призвал христиан Западной Европы отправиться на Восток и освободить Иерусалим, а также другие святыне места, находившиеся тогда под властью мусульманских государств. Тем, кто примет участие в походе, были обещаны духовные привилегии и отпущение грехов.

Он посмотрел на студентов.

— Сегодня мы называем это Первым крестовым походом.

Ветер слегка шелохнул его шарф.

— Для многих европейцев того времени это выглядело как священная миссия. Для жителей Ближнего Востока все выглядело совершенно иначе.

Фарид замолчал на несколько секунд.

Его взгляд скользнул по древним камням мечети.

— История редко бывает одинаковой для всех сторон.

Он произнес это медленно, словно хотел, чтобы каждый запомнил эти слова.

— Когда европейские хронисты рассказывают о крестовых походах, они часто говорят о паломниках, рыцарях и религиозном воодушевлении. Когда о тех же событиях рассказывают арабские летописцы, они говорят о вторжении иностранных армий.

Историк снова сделал паузу.

— И именно поэтому невозможно понять эпоху крестовых походов, читая только одну сторону.

Несколько студентов торопливо записывали его слова.

— В течение нескольких лет огромные армии пересекли Европу, Малую Азию и приблизились к Сирии и Палестине. Города, которые веками жили своей жизнью, внезапно оказались втянутыми в войну, пришедшую издалека.

Голос Фариды стал немного тише.

— Когда мы изучаем эти события сегодня, спустя почти тысячу лет, важно помнить одну вещь.

Он посмотрел на молодых людей.

— Для королей это были походы.

Для полководцев — кампании.

Для религиозных лидеров — великие замыслы.

Но для простых жителей Сирии, Палестины и Месопотамии это часто означало разрушенные города, осады, голод, смерть родственников и годы неопределенности.

Во дворе мечети стало удивительно тихо.

Даже студенты перестали писать.

— Каждая война имеет своих героев, — продолжал историк. — Но каждая война имеет и своих жертв, о которых учебники рассказывают гораздо реже.

Он медленно повернулся в сторону гробницы Салах ад-Дина.

— Именно в таком мире родился человек, чье имя привело нас сегодня сюда.

Но когда первые крестоносцы захватили Иерусалим в 1099 году, Салах ад-Дина еще не было на исторической сцене.

Не было великого султана.

Не было победителя при Хаттине.

Не было освободителя Иерусалима.

Был лишь Ближний Восток, расколотый на множество государств, соперничающих друг с другом чаще, чем с внешним врагом.

Фарид посмотрел на студентов и слегка улыбнулся.

— А теперь начинается самая интересная часть нашей истории.

Потому что рассказ о Салах ад-Дине — это не только рассказ о войнах.

Это рассказ о том, как один человек сумел изменить судьбу целого региона.

Именно поэтому мы до сих пор стоим у его могилы спустя восемьсот лет после его смерти.

Крестовые походы

Событие, которое произошло в городе Клермон 27 ноября 1095 года навсегда изменила мир. В этот день папа Урбан II обратился к своим подданным с призывом принять участие в военной экспедиции против мусульман и освободить Иерусалим. За участие в экспедиции Урбан II обещал крестоносцам индульгенцию и прямое попадание в рай. Истинная причина крестового похода была в другом — Урбан II видел, что прихожане чрезмерно восхваляют предыдущего папу Григория VII (в миру Гильдебранд).

Григорий VII — папа Римский с 22 апреля 1073 года по 25 мая 1085 года — является один из ключевых фигур в истории Католической церкви).

Деятельность Григория VII заложила основы концепции папской теократии и оказала значительное влияние на развитие церковно-административных и канонических реформ.

Григорий VII провел очень много реформ, но именно он утвердил «Диктат папы» (*Dictatus papae*) — документ, датированный примерно 1075 годом, в котором были изложены положения о верховенстве папской власти над светской. В нем, в частности, говорилось о праве папы низлагать императоров, назначать и освобождать вассалов от клятвы верности, а также о полной неподсудности папы.

Урбан II возжелал такой же славы и известности и выступил с зажигательной речью на Клермонском соборе в 1095 году с призывом к походу с оружием против мусульман, якобы осквернявших в Иерусалиме Гроб Господень.

Урбан II обещал не только рай и освобождение от всех грехов, но и многочисленные богатства, которым так изобилует Арабский Восток. «Земля там наполнена молоком и медом», «Пусть те, кто был здесь грабителями, там станут воинами, кто здесь не нашел счастья, обретет его на Востоке» — говорил в проповеди Урбан II.

На площади перед Клермонским собором в тот день собрались представители всех европейских государств, самые известные рыцари и представители аристократии. Урбан II выступил речью, которая откликалась как знати, так и простому люду. Папа акцентировал внимание толпы на том, что мусульмане неуважительно относятся к храму Гроба Господня и чуть ли не держат там домашний скот. Также присутствующих сильно потрясло, что участились нападения на паломников христиан. В тот день все были единодушны — срочно выступить с походом и освободить Святые Земли от варваров.

Прошло тысячи лет — а Запад и технологии те же: хитрость, обман, манипуляция информацией.

Желание Урбана II завладеть умами людей, расширить свое влияние и славу, и стремление людей получить прощение грехов за свои тяжкие преступления, такие как убийство, кража, прелюбодеяние стало основной движущей силой Крестового похода.

Чтобы привлечь аристократию в экспедиции одних отпущении грехов было недостаточно. Ведь существующая индульгенция за деньги прекрасно устраивало знать — как способ откупиться от грехов. Папа это понимал, и чтобы привлечь Рыцарей и представителей Знати — нужно было прельстить более ценным — завоеванием государств. Затем и полное право на земли и богатства. Так каждый предводитель собирал и готовил собственную армию и примыкали к Крестовому походу. Более того, Святая Церковь гарантировала сохранность имущества и опеку над детьми во время участия в походе.

Крестовое движение объединило людей самых разных сословий — принцы, рыцари, странствующие бродяги и пьяницы, благородные мужи, воры, убийцы и обычные простолюдины. Каждый искал свое счастье в Крестовом походе. Все о чем они мечтали — им мог даровать Папа римский за участие в походе.

Первый Крестовый поход был не совсем удачным — Армия сельджуков была достаточно сильна и нанесла сокрушительное поражение плохо организованному сборищу крестоносцев. Однако сельджуки не смогли по ряду причин сохранить превосходство на полях сражений. Сельджуки выиграли битву, но проиграли войну.

Урбан II на поражение крестоносцев отреагировал в своем духе — участники похода недостаточно сильно любили Иисуса и вообще шли не под правильным флагом и главнокомандующим. Однако позже в Константинополе Крестоносцы объединили несколько войск, улучшили марш и координацию действий между группами смогли одержать первую победу над сельджуками. До стен Иерусалима Крестоносцы добрались лишь в июне 1099 года, то есть через 4 года с начала объявления о начале крестового похода.

14—15 июля 1099 года произошло первое ключевое событие, известное как «Первый крестовый поход» — точнее завершение похода взятием Иерусалима. После взятия города крестоносцы принялись делать то, что у них лучше всего получалось — грабить и истреблять мирных жителей. Крестоносцы создали на Ближнем Востоке четыре государства — Иерусалимское королевство, два графства Эдесское и Триполи, и княжество Антиохия.

Второй крестовый поход 1147—1149 гг. был предпринят в ответ на захват сельджуками Эдессы в 1144 году. Возглавлялся французским королем Людовиком VII и германским королем Конрадом III, но закончился поражением. В ходе экспедиции планы поменялись — крестоносцы решили напасть на Дамаск. Осада города провалилась, поход ничем не окончился.

Третий крестовый поход (1189—1192 гг.) был вызван полным разгромом Иерусалимского королевства и захватом его столицы султаном Салах ад-Дином в 1187 году. Также Салах ад-Дин захватил самый богатый город Акру. В походе участвовали император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский король Ричард I Львиное Сердце.

Четвертый крестовый поход (1202—1204 гг.). Изначально крестоносцы планировали восстановить христианскую власть на Святой земле, но все это привело лишь к разграблению Константинополя и временному установлению Латинской империи на территории Византии.

Детский крестовый поход (1212 г.). Экспедиция под предводительством юного провидца Стефана, которая закончилась трагически: многие участники погибли или были проданы в рабство. Завоевание 1204 году Константинополя стало последней серьезной победой крестоносцев.

Идея Священной войны против неверных полностью исчерпала свой ресурс. Однако Священный престол продолжал призывать христиан к освобождению Иерусалима. Фанатизм вывалился в самую уродливую форму виде детского крестового похода. Религиозные фанатики считали, что тяжкий груз грехов не дает крестоносцам победить и только невинные дети смогут одолеть мусульман и вернуть Иерусалим под управление Священного престола.

Второй крестовый поход: первая крупная неудача христианского Запада

Второй крестовый поход (1147—1149) стал одним из наиболее масштабных военных предприятий средневековой Европы и одновременно первым серьезным поражением крестового движения. Если Первый крестовый поход завершился захватом Иерусалима и созданием христианских государств на Ближнем Востоке, то новая экспедиция должна была сохранить эти достижения и восстановить пошатнувшееся положение латинских владений. Однако вместо триумфа западный мир столкнулся с военными неудачами, политическими конфликтами и глубоким разочарованием в самой идее крестового похода.

Несмотря на участие десятков тысяч воинов, поддержку папства и личное присутствие европейских монархов, поставленные задачи так и не были выполнены. Более того, результаты кампании лишь укрепили позиции мусульманских правителей и ускорили процесс объединения исламского мира против государств крестоносцев.

Непосредственным поводом для начала Второго крестового похода стало падение Эдессы — одного из первых государств, созданных крестоносцами после успехов конца XI века. Расположенная в Верхней Месопотамии, Эдесса занимала важное стратегическое положение на границе христианских и мусульманских владений. Она служила своеобразным щитом, прикрывавшим остальные государства крестоносцев от вторжений с востока.

В декабре 1144 года город был захвачен войсками могущественного мусульманского правителя Имад ад-Дина Занги, владевшего Мосулом и Алеппо. Это событие произвело огромное впечатление как на Востоке, так и в Европе. Для мусульман взятие Эдессы стало символом возрождения исламской мощи, а для христиан — тревожным сигналом о том, что завоевания Первого крестового похода могут быть утрачены.

Весть о катастрофе быстро достигла Западной Европы. Папа Евгений III объявил о необходимости новой экспедиции для защиты Святой Земли и христианского населения Востока. В отличие от Первого крестового похода, новый призыв не содержал четко сформулированной военной цели. Формально речь шла о защите христианских владений и святынь Леванта, однако конкретный план действий отсутствовал. Именно эта неопределенность позднее сыграет роковую роль в судьбе всей кампании.

Для привлечения участников церковь вновь использовала систему духовных привилегий. Каждый, кто принимал крест, получал отпущение грехов, а его имущество и семья находились под особой защитой церкви. Эти обещания оказались чрезвычайно эффективными и позволили собрать одну из крупнейших армий XII века.

Особенностью Второго крестового похода стало участие в нем европейских монархов. Впервые в истории крестовых походов экспедицию возглавили сразу два короля: правитель Германии Конрад III и французский король Людовик VII.

Это придавало предприятию исключительный престиж. Если ранее основные силы составляли феодалы и рыцарские дружины, то теперь крестовый поход воспринимался как общеевропейская миссия. По различным оценкам, численность участников могла достигать шестидесяти тысяч человек.

Летом 1147 года огромные армии начали движение через Центральную Европу в сторону Константинополя. Вскоре к ним присоединились рыцари из Италии, Фландрии, Англии и других регионов Запада. Однако уже на первых этапах кампании стало очевидно, что единого командования и четкого стратегического плана не существует.

Тем временем ситуация на Востоке продолжала ухудшаться. После смерти Занги его сын Нур ад-Дин продолжил борьбу против крестоносцев. Попытка графа Жослена II вернуть Эдессу завершилась провалом. Эти события лишь подтвердили необходимость срочных действий, однако не приблизили крестоносцев к пониманию того, как именно следует вести войну.

Хотя внимание современников было приковано к событиям на Ближнем Востоке, Второй крестовый поход не ограничивался только Левантом. По благословению папы боевые действия велись одновременно на нескольких направлениях.

Одним из наиболее успешных театров войны стал Пиренейский полуостров. Здесь крестоносцы приняли участие в Реконкисте — многовековой борьбе христианских государств Испании и Португалии против мусульманских эмиратов. Большой флот североευропейских рыцарей помог португальскому королю Афонсу Энрикешу овладеть Лиссабоном. После длительной осады город капитулировал осенью 1147 года.

Успехи были достигнуты и в других районах Иберии. Союзные войска захватили Альмерию и Тортосу, расширив владения христианских государств. Хотя дальнейшее наступление вскоре замедлилось, именно испанское направление стало одним из немногих примеров реальных достижений Второго крестового похода.

Другим фронтом стала Прибалтика. Германские князья и рыцари организовали экспедиции против славянских и балтийских языческих племен. Однако здесь результаты оказались гораздо скромнее. Военные операции мало отличались от традиционных приграничных рейдов и не привели к существенным изменениям политической ситуации. Тем не менее именно эти походы заложили основу для последующей экспансии немецких рыцарских орденов на восток.

Одной из важнейших проблем Второго крестового похода стали отношения между западными рыцарями и Византийской империей. Формально обе стороны являлись христианскими союзниками, однако взаимное недоверие существовало еще со времен Первого крестового похода.

На византийском престоле в то время находился энергичный император Мануил I Комнин. В отличие от многих своих предшественников, он интересовался западной культурой и стремился поддерживать контакты с европейскими государствами. Однако огромные армии крестоносцев представляли для империи не меньшую угрозу, чем мусульманские соседи.

Проходя через Балканы, многочисленные отряды рыцарей, наемников нередко занимались грабежами и насилием. Это вызывало раздражение местного населения и усиливало подозрения византийских властей. Мануил потребовал от лидеров похода принести ему вассальную присягу и признать его права на территории, которые могли быть отвоеваны у мусульман.

На Западе такие требования воспринимались крайне негативно. Многие рыцари считали византийцев ненадежными союзниками и обвиняли их в чрезмерной осторожности. Дополнительное недовольство вызвало заключение Мануилом перемирия с сельджуками. Для императора это был прагматичный дипломатический шаг, однако крестоносцы увидели в нем едва ли не предательство общего дела.

В результате атмосфера взаимного недоверия сопровождала всю кампанию и серьезно осложняла взаимодействие между союзниками.

Первые серьезные неудачи ожидали крестоносцев уже после переправы в Малую Азию. Здесь европейские армии столкнулись с теми же проблемами, которые позднее будут преследовать их на протяжении всей истории крестовых походов: огромными расстояниями, нехваткой продовольствия, сложным рельефом и мобильной тактикой противника.

Армия Конрада III двинулась вперед слишком поспешно и вскоре оказалась в трудном положении. В октябре 1147 года возле Дорилея немецкие войска подверглись нападению сельджукских конных лучников. Подвижная турецкая кавалерия избегала ближнего боя и постепенно уничтожала противника издалека. Европейские рыцари, привыкшие к решающим кавалерийским атакам, оказались бессильны против подобной тактики.

Сражение завершилось тяжелым поражением. Немецкая армия потеряла значительную часть своих сил, а сам Конрад получил ранения и был вынужден вернуться в Константинополь.

Французские войска первоначально действовали более успешно, однако вскоре столкнулись с аналогичными трудностями. Во время перехода через горный массив Кадмус армия Людовика VII растянулась на многие километры. Этим немедленно воспользовались сельджуки. Атака на разделенные колонны привела к тяжелым потерям и окончательно подорвала боеспособность французов.

Еще до прибытия в Святую Землю крестовый поход фактически лишился значительной части своих сил. Кампания, задуманная как демонстрация мощи христианского мира, стремительно превращалась в череду поражений и упущенных возможностей.

Дамаск: роковой выбор крестоносцев

Весной 1148 года остатки западных армий наконец достигли государств крестоносцев на Ближнем Востоке. Несмотря на огромные потери, понесенные во время перехода через Малую Азию, присутствие двух европейских монархов все еще позволяло рассчитывать на проведение крупной наступательной операции. Однако именно в этот момент среди лидеров похода возник вопрос, который впоследствии станет одним из самых спорных в истории крестовых походов: каковую цель следует атаковать?

Сразу после прибытия в Антиохию Людовик VII получил предложение от князя Раймунда Антиохийского начать кампанию против владений Нур ад-Дина в северной Сирии. С военной точки зрения этот вариант выглядел логичным. Именно Нур ад-Дин являлся наследником политики Занги и представлял наибольшую угрозу для латинских государств Востока.

Тем не менее французский король отверг этот план. Причины такого решения до сих пор вызывают споры среди историков. Средневековые хронисты связывали отказ Людовика с его напряженными отношениями с Раймундом. Дополнительные слухи подпитывались разговорами о слишком близком общении между Раймундом и королевой Алиенорой Аквитанской, приходившейся князю родственницей. Насколько эти подозрения соответствовали действительности, неизвестно, однако политические и личные факторы явно оказали влияние на дальнейший ход событий.

Летом 1148 года в Акре был созван большой совет правителей и крупнейших феодалов Латинского Востока. Именно здесь было принято судьбоносное решение отказаться от идеи возвращения Эдессы и направить основные силы против Дамаска.

На первый взгляд этот выбор выглядел оправданным. Дамаск являлся одним из богатейших городов региона и занимал важное стратегическое положение. Кроме того, существовала серьезная опасность, что местные мусульманские правители рано или поздно объединятся с Нур ад-Дином. Захват города мог устранить угрозу для Иерусалимского королевства и одновременно укрепить позиции христиан в Сирии.

24 июля 1148 года объединенная армия крестоносцев подошла к стенам Дамаска. По численности это была одна из самых мощных армий, когда-либо собиравшихся в Святой Земле. В ее составе находились французские и германские рыцари, отряды местных баронов, представители военных орденов и многочисленная пехота.

Первые дни осады развивались относительно успешно. Крестоносцы атаковали город со стороны плодородных садов и рощ, окружавших Дамаск. Однако вскоре преимущества местности обернулись серьезными проблемами. Узкие проходы между садами затрудняли маневрирование, а защитники эффективно использовали каждую естественную преграду.

Особенно тяжелой оказалась ситуация с водоснабжением. В условиях ближневосточного лета доступ к воде имел решающее значение. По мере затягивания осады запасы стремительно сокращались, а положение осаждающих ухудшалось с каждым днем.

На четвертые сутки среди командования начались разногласия. Было принято решение перенести основные силы на другую сторону города, где оборона казалась менее прочной.

Однако этот маневр оказался серьезной ошибкой. Новая позиция имела значительно худшее обеспечение водой и продовольствием, а обещанных преимуществ так и не дала.

Тем временем к Дамаску приближались подкрепления Нур ад-Дина. Каждый день промедления увеличивал риск того, что крестоносцы сами окажутся между городскими стенами и подошедшей мусульманской армией.

Понимая всю опасность ситуации, лидеры похода приняли решение снять осаду. Спустя всего четыре дня после начала операции крупнейшая армия христианского мира начала отступление.

Для современников это решение стало настоящим шоком. Многие участники похода не могли понять, почему столь масштабная экспедиция завершилась без какого-либо результата. Практически сразу появились слухи о предательстве, подкупе и тайных переговорах между отдельными баронами и защитниками города. Однако убедительных доказательств подобных версий не существует.

Гораздо вероятнее, что причиной провала стали плохое планирование, отсутствие единого командования и неспособность лидеров крестового похода выработать общую стратегию.

Почему Второй крестовый поход потерпел неудачу?

Провал Второго крестового похода нельзя объяснить одним-единственным событием. Это была цепочка ошибок, каждая из которых усиливала последствия предыдущей.

Прежде всего, поход страдал от отсутствия четкой цели. Первый крестовый поход имел ясную задачу — освобождение Иерусалима. Во Втором крестовом походе такой определенности не было. Формально речь шла о защите христианского Востока, однако участники не имели единого представления о том, каким образом следует достигать этой цели.

Не менее серьезной проблемой стала раздробленность руководства. В походе участвовали два короля, множество крупных феодалов, представители духовенства и правители государств крестоносцев. Каждый обладал собственными интересами и собственным взглядом на ведение войны. В результате согласованность действий постоянно нарушалась.

Европейские армии также вновь столкнулись с проблемами, которые уже не раз приводили крестоносцев к поражениям. Тяжеловооруженные рыцари прекрасно проявляли себя в открытом сражении, однако испытывали серьезные трудности в условиях Ближнего Востока. Длинные коммуникации, нехватка воды, жара и мобильная тактика турецких конных лучников значительно снижали преимущества западной военной системы.

Дополнительным фактором стали плохие отношения с Византией. Вместо тесного сотрудничества обе стороны относились друг к другу с подозрением. Это не только осложняло снабжение армии, но и лишало крестоносцев потенциально ценного союзника.

Наконец, мусульманский мир уже не был столь раздроблен, как во времена Первого крестового похода. Занги, а затем Нур ад-Дин постепенно объединяли Сирию и Северную Месопотамию под своей властью. Их государства обладали большими ресурсами, чем отдельные латинские княжества, и могли вести долгосрочную борьбу против европейских завоевателей.

Последствия поражения.

Неудача Второго крестового похода стала серьезным ударом по авторитету папства и всей идее крестовых экспедиций. Европа впервые увидела, что даже огромная армия, возглавляемая королями, не гарантирует победы.

Для Византийской империи последствия также оказались негативными. Взаимное недоверие между греками и латинянами усилилось еще больше. Именно после событий Второго крестового похода отношения между Востоком и Западом начали ухудшаться особенно быстро, что в будущем приведет к еще более глубоким конфликтам.

Наибольшие выгоды из сложившейся ситуации извлек Нур ад-Дин. Пока крестоносцы возвращались домой, он продолжал расширять свои владения. Уже в 1149 году его войска

нанесли тяжелое поражение княжеству Антиохия. Вскоре под его контролем оказалась Эдесса, а в 1154 году и Дамаск.

Объединение Сирии под властью одного правителя стало переломным моментом в истории региона. Впервые со времен Первого крестового похода мусульманский мир получил возможность действовать как единая сила против государств крестоносцев.

В дальнейшем эту политику продолжил один из самых выдающихся правителей Средневековья — Салах ад-Дин. Стратегическое мышление Салах ад-Дина, позволит в будущем сокрушить армию Иерусалимского королевства при Хаттине и вернуть мусульманам Иерусалим.

Таким образом, хотя Второй крестовый поход завершился в 1149 году, его последствия ощущались еще многие десятилетия. Провал экспедиции не только не остановил мусульманское наступление, но и создал условия для будущих побед Нур ад-Дина и Салах ад-Дина. Во многом именно здесь были заложены предпосылки тех событий, которые спустя сорок лет приведут к падению Иерусалимского королевства и началу Третьего крестового похода.

Третий крестовый поход: противостояние Ричарда Львиное Сердце и Салах ад-Дина

Третий крестовый поход (1189—1192) занимает особое место в истории Средневековья. В отличие от предыдущих экспедиций, он стал столкновением двух выдающихся политических и военных лидеров своей эпохи — английского короля Ричарда I Львиное Сердце и султана Салах ад-Дина, более известного в Европе как Саладин. Именно поэтому этот поход нередко называют не только «Крестовым походом королей», но и последним крупным крестовым походом, который имел реальные шансы изменить судьбу Святой Земли.

Формальной целью кампании было возвращение Иерусалима, утраченного христианами после катастрофы при Хаттине в 1187 году. Однако в действительности перед европейскими правителями стояла гораздо более сложная задача: необходимо было не просто захватить город, а восстановить пошатнувшееся положение латинских государств Востока и остановить стремительное наступление мусульманских сил.

Несмотря на впечатляющий масштаб предприятия и участие крупнейших монархов Европы, главная цель так и не была достигнута. Иерусалим остался под властью Салах ад-Дина. Тем не менее поход нельзя назвать полным провалом. Крестоносцам удалось сохранить свое присутствие на побережье Палестины, вернуть ряд важных городов и добиться соглашения, позволявшего христианским паломникам посещать святыне места.

Мир после Хаттина

Предпосылки Третьего крестового похода следует искать в событиях, которые потрясли весь христианский мир в 1187 году. Победа Салах ад-Дина при Хаттине уничтожила практически всю полевую армию Иерусалимского королевства. Погибли или оказались в плену многие представители знати, были утрачены важнейшие реликвии, включая Истинный Крест, а судьба большинства городов крестоносцев оказалась предрешена.

На протяжении предыдущих десятилетий мусульманский мир постепенно объединялся под властью энергичных правителей. Эту политику начал Нур ад-Дин, а завершил Салах ад-Дин, который сумел объединить Египет, Сирию и значительную часть Месопотамии в единое государство. Впервые со времен Первого крестового похода христианские владения столкнулись с противником, превосходившим их не только численно, но и политически.

После Хаттина мусульманские армии начали стремительное наступление. Один за другим переходили под власть Салах ад-Дина Акра, Тивериада, Назарет, Кесария, Яффа и другие города. Кульминацией кампании стало взятие Иерусалима осенью 1187 года.

В отличие от событий 1099 года, когда крестоносцы устроили в городе массовую резню, Салах ад-Дин проявил значительно большую милость. Большинство жителей получили воз-

возможность выкупить свою свободу. Восточные христиане сохранили право жить в городе и исповедовать свою веру. Хотя для Европы потеря Иерусалима стала тяжелым ударом, сам захват города войсками Салах ад-Дина, сопровождался куда меньшим кровопролитием, чем его завоевание почти столетием ранее.

Из всех владений крестоносцев серьезное сопротивление сумел организовать лишь Тир. Благодаря талантливому руководству Конрада Монферратского этот город выдержал осаду и стал опорным пунктом для будущего наступления западных армий.

Новость о падении Иерусалима вызвала шок во всей Западной Европе. Для современников потеря Святого города воспринималась не просто как военное поражение, а как духовная катастрофа.

Папа Григорий VIII незамедлительно призвал христианских правителей объединить усилия для освобождения святых мест. Его обращение нашло необычайно широкий отклик. Впервые в истории крестовых походов участие в экспедиции подтвердили сразу три наиболее могущественных монарха Европы.

Во главе похода встали император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский король Ричард I Львиное Сердце. Сам факт их участия создавал впечатление, что Запад готов направить против Салах ад-Дина все имеющиеся ресурсы.

Однако уже в самом начале кампании стало очевидно, что объединить столь разных правителей под единым командованием будет крайне сложно. Каждый из них преследовал собственные интересы и рассчитывал укрепить свой авторитет благодаря успехам на Востоке.

Наиболее мощной армией располагал Фридрих Барбаросса. Немецкий император предпочел традиционный сухопутный маршрут через Балканы и Малую Азию. Его продвижение сопровождалось постоянными конфликтами с Византией, власти которой опасались огромной армии, проходившей через их владения.

Несмотря на дипломатические трения, Барбароссе удалось успешно преодолеть византийские территории и вступить в Анатолию. Казалось, что именно его войска станут главной ударной силой крестового похода.

Однако летом 1190 года произошла трагедия, изменившая весь ход кампании. Во время переправы через реку Салеф император неожиданно утонул. Причины его гибели до сих пор остаются предметом дискуссий, но последствия оказались очевидны.

Смерть Фридриха стала тяжелым ударом для немецкой армии. Многие рыцари сочли поход обреченным и вернулись домой. Оставшиеся войска вскоре понесли серьезные потери от болезней и лишений. Хотя отдельные германские отряды позднее присоединились к осаде Акры, первоначальный замысел масштабного наступления фактически рухнул.

Таким образом, еще до начала основных боевых действий крестоносцы лишились одного из своих самых опытных лидеров и значительной части военной силы.

Ричард Львиное Сердце и борьба за господство на море

После гибели Барбароссы центр тяжести кампании постепенно переместился к Ричарду Английскому. В отличие от немецкого императора, он сделал ставку на морской путь и тщательно подготовил экспедицию.

Английский король прекрасно понимал, что успех любой операции в Восточном Средиземноморье зависит от надежного снабжения. Именно поэтому по пути в Святую Землю он уделял особое внимание созданию опорных баз.

Первым важным эпизодом стала операция на Сицилии, где Ричард продемонстрировал свою решительность и военные способности. Однако гораздо большее значение имел захват Кипра в 1191 году.

Остров занимал стратегическое положение между Европой и Левантом и позволял контролировать морские коммуникации. Получив Кипр, крестоносцы приобрели важнейшую базу снабжения, которая впоследствии сыграла огромную роль в истории латинского Востока.

Фактически Ричард создал то, чего так не хватало предыдущим экспедициям, — надежный логистический центр, обеспечивавший связь между Европой и армиями в Палестине.

К моменту прибытия западных армий главным театром военных действий стала Акра. Этот важнейший порт уже долгое время находился в осаде войск Ги де Лузиньяна, однако ни одна из сторон не могла добиться решающего успеха.

Прибытие подкреплений резко изменило баланс сил. Под стенами Акры собрались английские, французские, германские и местные контингенты. Началась одна из крупнейших осад Средневековья.

Ричард проявил себя не только как храбрый рыцарь, но и как талантливый организатор. Даже тяжело заболев, он продолжал руководить осадой. Современники рассказывали, что короля носили на носилках вдоль укреплений, откуда он лично обстреливал защитников из арбалета.

Летом 1191 года город капитулировал. Это была первая крупная победа крестоносцев после катастрофы при Хаттине.

Однако триумф оказался омрачен жестоким эпизодом. После затянувшихся переговоров о выкупе Ричард приказал казнить тысячи мусульманских пленников. Этот шаг вызвал неоднозначную реакцию даже среди современников и навсегда остался одной из самых спорных страниц его биографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.